

привести к нарастанию недовольства и еще большему росту радикализации населения.

Так как полагаться исключительно на силу и относиться с позиции силы имеют, и отрицательные последствия и не нужно забывать, что чрезмерный контроль и усиление мер безопасности иногда может сопровождаться с нарушениями прав человека⁸⁷.

Виталий ПОНОМАРЕВ

**1.6. СВОБОДА РЕЛИГИИ И УБЕЖДЕНИЙ
И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ АНТИЭКСТРЕМИСТСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КРЫМУ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

В настоящее время антиэкстремистское законодательство, основанное на во многом схожих правовых механизмах, действует в четырех постсоветских странах – в России, Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане. Как будет показано ниже, это законодательство и основанная на нем правоприменительная практика несут серьезные угрозы фундаментальным свободам и правам человека, прежде всего - свободе выражения и свободе религии.

Значимость рассматриваемых проблем возрастает по мере того, как происходит заметное ужесточение ответственности за совершение «преступлений экстремистской направленности». Например, в России (с законами которой пришлось столкнуться мусульманам Крыма) участие в запрещенных религиозных сообществах еще пять лет назад в большинстве случаев наказывалось штрафом. Сейчас за те же самые правонарушения можно получить от 5 до 20 лет лишения свободы или даже пожизненное заключение. В Кыргызстане в 2016 году впервые был осужден имам крупной мечети на юге страны, которого приговорили к 10 лишения свободы за проповедь, не связанную с призывами к насилию.

Зададимся вопросом: почему действия государственных органов по противодействию т.н. «экстремизму» встречают растущую общественную критику? Венецианская комиссия, оценивая в 2012 году соответствующее российское законодательство, пришла к следующему заключению: «Формулировки закона, определяющие понятия «экстремизм», «экстремистская деятельность», «экстремистская организация» и «экстремистские материалы», имеют излишне широкий и неопределенный характер, вследствие чего допускается такое толкование и применение их, которое ведет к произвольным и непропорциональным ограничениям фундаментальных прав и свобод, закрепленных Европейской конвенцией прав человека». Не могу не согласиться с этой оценкой. Та же формулировка может быть распространена и на соответствующее законодательство перечисленных выше стран Центральной Азии.

Стоит вкратце сказать о парадоксальной в правовом плане ситуации в Узбекистане – наиболее репрессивном государстве на постсоветском пространстве. Специального закона о противодействии экстремизму в этой стране нет, но в 1998 году в Уголовный кодекс была внесена статья 244-1, предусматривающая ответственность, в частности, за распространение «сведений и материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма и фундаментализма», изготовление таких материалов или их хранение с целью распространения. При этом значение терминов «фундаментализм» и «религиозный экстремизм» в законодательстве не определено, что открывает возможности для весьма широких трактовок. В 1999 году Уголовный кодекс Узбекистана был дополнен еще одной статьей - 244-2, предусматривающей наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 20 лет за «создание, руководство и участие в религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещенных организациях». Процедура запрета соответствующих организаций в

---

⁸⁷См. напр.: www.rus.ozodi.org/a/27785740.html; <http://www.dialog.tj/news/naskolko-obosnovany-v-tadzhikistane-ugrozy-bezopasnosti>

законодательстве до сих пор не определена. Формально прописана судебная процедура запрета лишь для террористических организаций, но и она на практике не применяется. В ходе судебных процессов неоднократно возникали вопросы о том, на каком основании то или иное религиозное сообщество считается запрещенным, кем и когда установлен соответствующий запрет и т.п., но эти вопросы никогда не получали ответа. Несмотря на вышесказанное, начиная с 1999 года тысячи верующих были признаны виновными по ст.244-1 и ст.244-2, многие из них по-прежнему находятся в заключении как «экстремисты».

Если обратиться к официальной статистике рассматриваемых стран, число уголовных дел, связанных с экстремизмом, заметно увеличилось за последние годы. Некоторые эксперты трактуют это как свидетельство роста радикализма в обществе. Такая тенденция действительно имеет место. Но есть и другая сторона вопроса, на которую не всегда обращают внимание, а именно: после создания специализированных подразделений по борьбе с экстремизмом «экстремисты» (зачастую мнимые) стали обнаруживаться повсеместно, даже в тех регионах, где такой проблемы никогда не существовало. Подобный результат нетрудно было предвидеть, ведь многочисленное сообщество профессиональных «борцов с экстремизмом», финансируемое государством, стремится оправдать свое существование, расширение бюджетов, штатов и т.п. При отсутствии устойчивых демократических традиций, эффективного контроля за спецслужбами и независимой судебной системы это привело к нарастающему валу уголовных дел, связанных с «преступлениями экстремистской направленности».

Отмечу, что в практике работы правоохранительных органов понятия «терроризм», «насильственный экстремизм» искусственно соединяются с аморфным «экстремизмом», что ведет не только к проблемам в области прав человека, но и распылению усилий государственных структур. Последние вместо того, чтобы сконцентрировать усилия на противодействии действительно опасным для общества насильственным группам, тратят значительные ресурсы на «охоту» за людьми и сообществами, не имеющими какого-либо отношения к насилию или терроризму.

В некоторых постсоветских странах под предлогом борьбы с «экстремизмом» формируется «конвейер репрессий», направленный на борьбу с религиозным и светским инакомыслием. Молох непрерывно требует новых и новых жертв. Когда уменьшаются человеческие ресурсы того или иного преследуемого «экстремистского сообщества», почти сразу находятся новые «враги» внутри страны или среди эмигрантов. Из года в год растут списки разыскиваемых или находящихся на профилактическом учете «экстремистов». При этом власти как будто не замечают, что репрессивные действия сами становятся важным фактором радикализации общества, что в свою очередь используется ими для оправдания дальнейшего «закручивания гаек»...

Вернемся к вопросу о запретах «экстремистских» религиозных сообществ. Как работает эта система? Прокуратура обращается в суд с требованием о запрете того или иного сообщества, и суд выносит соответствующее решение, информация о котором публикуется уполномоченным государственным органом. Однако уже на этой стадии возникают проблемы, схожие во всех рассматриваемых нами странах.

В судебных слушаниях участвуют представители лишь нескольких правительственных ведомств. Разбирательство носит закрытый характер. Оппоненты лишены возможности не только представить какую-либо альтернативную точку зрения, но даже просто присутствовать в зале суда. И в силу процессуальных причин принятое судебное решение в подавляющем большинстве случаев в дальнейшем невозможно обжаловать.

Конечно, формально законодательство всех стран допускает возможность апелляции и т.п. Однако воспользоваться правом на подачу жалобы не всегда просто. Здесь возникают сложные ситуации, когда, например, то или иное религиозное течение или сообщество запрещается под условным «внешним» названием, не имеет формального членства или четкой организационной структуры и т.д. Иногда в запретительных судебных решениях под одной «шапкой» объединяются различные течения. Например, в России движение Фетхуллаха Гюлена и сообщества участников коллективных чтений «Рисале-и Нур», весьма

различающиеся по своим практикам и целевой ориентации, запрещены под общим названием «нурджулар». Спорным является сам факт существования международной организации «Ат-Такфир валь Хиджра», запрещенной в нескольких постсоветских странах.

Судебные решения, в мотивировочной части которых излагаются причины запрета тех или иных религиозных сообществ, не публикуются и являются труднодоступными. Высказывались предположения, что, возможно, в ходе судебных слушаний оглашалась некая секретная информация, поэтому власти ограничивают доступ к ним. Однако изучение текстов некоторых решений не подтверждает этот тезис.

В действительности закрытость зачастую лишь прикрывает отсутствие достаточных оснований при вынесении таких решений. Например, всем запрещаемым исламским сообществам – даже совершенно аполитичным группам читателей «Рисале-и Нур» или миссионерскому движению «Таблиги Джамаат» - приписывают цели свержение светских правительств и создание всемирного халифата (теократического государства) путем «насильственного изменения конституционного строя». Этот, мягко говоря, сомнительный тезис обосновывается лишь краткими декларативными формулировками из документов тех или иных официальных органов.

В России в 2003 году к организациям, запрещенным как «террористические» (терроризм рассматривается как одна из форм экстремизма), были отнесены кувейтское Общество социальных реформ и «Хизб ут-Тахрир». Адвокат первого (имеющего регистрацию за рубежом) долгое время не мог получить текст решения Верховного Суда, позднее его жалоба не была принята в связи с истечением срока обжалования. Что касается запрета «Хизб ут-Тахрир» в России, вопрос о его обоснованности неоднократно обсуждался в СМИ. В соответствующем судебном решении каждой запрещенной организации посвящено полстраницы текста. Про «Хизб ут-Тахрир» написано, что организация стремится к созданию всемирного халифата, ведет массированную исламистскую пропаганду и запрещена в Узбекистане и некоторых арабских странах. Если даже все это верно, это не дает оснований для обвинений в терроризме. Однако ни одна жалоба на это решение до сих пор не была рассмотрена по существу.

Изучение мотивировочной части запретительных судебных решений показывает, что они по большей части не содержат ссылки на конкретные факты и обстоятельства, а лишь воспроизводят декларативные и зачастую спорные формулировки, представленные прокуратурой и двумя-тремя другими правительственными ведомствами. А далее решение, основанное на такого рода декларациях, ложится в основу многочисленных уголовных дел.

Следует отметить, что даже после запрета того или иного религиозного сообщества остается открытым вопрос о специфических признаках его идеологии и организационной структуры, так как эти вопросы как правило не рассматриваются при вынесении соответствующих судебных решений. Это в свою очередь открывает широкие возможности для произвольных трактовок.

Ситуация усугубляется отсутствием во многих случаях серьезных экспертных исследований по тем или иным религиозным сообществам, противоречивыми взглядами, высказываемыми в ходе научных дискуссий, вовлеченностью части экспертов во внутри- и межконфессиональную полемику. При рассмотрении жалоб осужденных в России членов «Хизб ут-Тахрир» Европейский суд по правам человека отметил, что информация о данной организации является недостаточной и противоречивой. Это же можно сказать и про многие другие религиозные сообщества, вызывающие подозрения властей. Однако судебные и правоохранительные органы рассматриваемых нами постсоветских стран не готовы признать наличие подобной ситуации. При этом для проведения экспертиз лишь в редких случаях привлекаются авторитетные исследователи в области востоковедения или ислама, зато считается, что общая специализация в области религиоведения, лингвистики, психологии и т.п. сама по себе достаточна для оценки содержания специфических религиозных текстов или обсуждений религиозных вопросов.

В недавнем севастопольском деле о «Хизб ут-Тахрир» эксперт-лингвист в области русского языка представил исследование, подтверждающее принадлежность участников

разговора, зафиксированного техническими средствами, к запрещенной организации. Этот вывод основывался на тезисе, что распространенные среди мусульман религиозные термины «дават», «зиярат» и другие якобы используют лишь члены «Хизб ут-Тахрир». Источником подобного ошибочного утверждения стали не профессиональные знания эксперта, а некая «справка ФСБ», представленная ему вместе со стенограммой исследуемой аудиозаписи.

В том же уголовном деле другой эксперт – религиовед заявил, что специфическими признаками принадлежности к «Хизб ут-Тахрир» являются критика капитализма, национализма, демократии, использование распространенного среди мусульман лунного календаря, терминов «дават», «джихад», «халифат» и т.д. В действительности данные признаки не являются специфическими лишь для «Хизб ут-Тахрир», их можно встретить в текстах широкого спектра различных исламских сообществ. Тем не менее экспертное заключение, изобилующее такого рода ошибочными утверждениями, не было отклонено судом, поскольку «профессиональные знания» эксперта в области религиоведения были подтверждены соответствующими официальными документами.

На практике экспертизы, которые ложатся в основу приговоров по уголовным делам об «экстремизме», нередко столь же декларативны и малообоснованны, как и соответствующие запретительные решения.

Особенно наглядно это демонстрирует правоприменительная практика Кыргызстана, где «экспертизы» нередко содержат лишь краткий перечень декларативных формулировок, не подкрепленных какой-либо аргументацией.

В экспертизах, других судебных и следственных документах часто используются выражение «распространял идеологию запрещенной организации», однако специфические признаки идеологии конкретной организации обычно не указываются или носят сомнительный характер.

Отмечаются попытки трактовать понятие «экстремизм» как относящееся не к содержанию, а к внешней форме деятельности. Так, в уголовном деле о «Таблиги Джамаат» в отношении имама-казаха одного из районов Алтая отмечалось, что в его проповедях не было каких-либо радикальных или незаконных призывов, однако он подлежит уголовной ответственности, поскольку организовывал групповые выезды на дават на три дня в месяц и использовал определенные слова из языка урду, что, как считают эксперты, характерно для практики конкретной запрещенной организации.

В связи с этим отнюдь не риторически звучит вопрос, заданный одним из обвиняемых по делу о т.н. «нурджулар»: можно ли участвовать в коллективных чтениях книг из собрания «Рисале-и Нур» и в то же время не быть членом запрещенной структурированной международной организации, целью которой, как утверждают правоохранительные органы, является создание всемирного халифата?

Вызывает озабоченность то, что во многих случаях речь идет не просто о каких-то неточных формулировках в судебных и других документах, а о сознательных попытках искажения информации, которые ложатся в основу решений государственных органов.

Так, в решении Верховного Суда России о запрете «Таблиги Джамаат» категорически утверждается, что это движение причастно к террористическим актам в постсоветском Узбекистане. Но в самом Узбекистане такие обвинения в отношении последователей «Таблиги Джамаат» никогда не выдвигали. Проведенное мною исследование показало, что тезис о связях этого движения с терактами в Ташкенте имеет единственный источник – перевод на русский язык дискуссионной статьи американского эксперта. Перевод размещен на многих русскоязычных сайтах. При этом в оригинале статьи на английском языке утверждения о причастности «Таблиги Джамаат» к террористическим актам в Узбекистане нет. Оно, как и некоторые другие, было добавлено в текст при переводе публикации на русский язык. Рискну предположить, что искаженный перевод был подготовлен при участии российских спецслужб, а затем использовался судом (прямо или косвенно) при обосновании легитимности соответствующего судебного решения.

Другой пример: в уголовных делах о т.н. «нурджулар» в качестве источника негативной информации о деятельности этого течения использовалась «научная статья»

некоего никому не известного эксперта, опубликованная в 2007 году на сайте московского Института Ближнего Востока. Этот материал, написанный без ссылок на какой-либо источник, содержал десятки утверждений, порой совершенно фантастических (вплоть до разжигания сепаратизма в Крыму и Татарстане). В российских уголовных делах статья иногда использовалась напрямую, но чаще ее материалы частично переписывались ФСБ в справках «о результатах оперативно-розыскной деятельности». В 2011 году следователь в Красноярске направил запрос о допросе автора статьи как свидетеля по делу об «экстремизме». Ответ УФСБ по Москве и Московской области был таков: директор института сообщил, что сотрудника с такой фамилией или псевдонимом в институте нет. В общем автора «авторитетной научной публикации» даже ФСБ установить не удалось, но сам материал по-прежнему присутствует на сайте института.

В Казахстане в принятом в 2013 году судебном решении о запрете «Таблиги джамаат» бесосновательно утверждалось, что за последние три десятилетия это аполитичное движение якобы стало «основным организатором подготовки исполнителей экстремистских акций и террористических актов по всему миру», «пропагандирует идеологию международных организаций, которые признаны в Казахстане террористическими».

Отмечу также, что сам список запрещенных религиозных сообществ нередко является предметом межгосударственного политического торга, где вопросы права играют далеко не первостепенную роль.

Манипуляции названиями запрещенных групп имеют место и в экстрадиционных запросах, где отмечаются попытки адаптировать обвинения под требования законодательства страны, у которой запрашивается выдача разыскиваемого «экстремиста».

Теперь несколько слов о том, как запреты религиозных сообществ реализуются на уровне конкретных уголовных дел. Важную роль здесь играют экспертизы изъятых религиозных материалов, а в некоторых странах – также аудио- и видеозаписей разговоров обвиняемых. Оставляю сейчас в стороне проблемы фабрикации доказательств или манипуляции показаниями свидетелей («секретных» и несекретных), что также имеет место.

Недавно по просьбе защиты я рецензировал экспертизы, проведенные в рамках севастопольского дела о «Хизб ут-Тахрир». Ознакомление с ними не может не удивлять. Эксперты рассматривают как «экстремизм» любые критические замечания, сделанные на основе религиозных убеждений, так как они «направлены на формирование негативных эмоций» у аудитории. Правительства различных стран неправомерно отождествляются с доминирующими в этих странах этническими группами, вследствие чего критика правительств квалифицируется как разжигание розни по признаку национальной принадлежности. Исламские и тюркоязычные термины получают некомпетентную трактовку или оцениваются с точки зрения их возможного восприятия немусульманской русскоязычной аудиторией. Использование терминов международного права – таких как «агрессия» или «оккупация» – также рассматривается как «экстремизм» лишь на том основании, что они негативно воспринимаются обществом. При анализе текстов, связанных с событиями прошлого, игнорируются исторические реалии и контекст. Практически любая межконфессиональная и внутриконфессиональная полемика трактуется как разжигание розни по признаку отношения к религии, а выражение позитивных эмоций при изложении принципов веры и т.п. – как недопустимая пропаганда религиозной исключительности и превосходства. Верхом абсурда является оценка как «экстремистской» фразы о том, что в период холодной войны «СССР и США стремились к установлению однополярного мира».

Оспорить результаты такого рода сомнительных «экспертиз», проведенных по запросу следственного органа, в рамках существующих правовых процедур почти невозможно, это удастся лишь в редчайших случаях. Обычно в ответ на критику со стороны защиты представители следствия и суда отвечают, что не имеют оснований не доверять эксперту, имеющего ученую степень в соответствующей сфере и являющегося незаинтересованным лицом.

В ходе судебных слушаний зачастую затрагиваются вопросы идеологии, практики и внутренней структуры запрещенного сообщества, в которых не всегда в полной мере

ориентируются не только государственный обвинитель и защитники, но и привлекаемые эксперты.

Приведу один курьезный пример. В 2013 году при рассмотрении дела о «Хизб ут-Тахрир» в Челябинском областном суде эксперт, приглашенный следствием, заявил, что ярким проявлением террористической деятельности данной организации в странах СНГ является случай, когда ее сторонники вторглись из Туркменистана в Кыргызстан, освободили из СИЗО своих единомышленников и ушли с ними в Афганистан. Ни один из участников процесса не пытался поставить под сомнение это фантастическое утверждение, так как никто из них не был знаком с ситуацией в Центральной Азии. Мои показания о том, что подобный случай просто не имел места, что Туркменистан и Кыргызстан даже не имеют общей границы и т.д., были прерваны судом со ссылкой на процессуальные нормы, ограничивающие возможность оценки показаний эксперта, чья научная квалификация подтверждена соответствующими документами. Формально этот эпизод не имел отношения к конкретным правонарушениям, инкриминируемым подсудимым, но его изложение экспертом, безусловно, влияло на позицию суда.

В 2014 году при анализе аудиозаписи разговора двух подозреваемых обмен малозначащими репликами «А ты в Турцию ездил? – Конечно. Там тишь» эксперт расценил как «характерные для «нурджулар» протюркистские мысли о первенстве Турции». Тот же эксперт заключил, что «использование понятийного аппарата суфизма, частое апеллирование к именам Аллаха» якобы являются специфическими признаками, свидетельствующими о принадлежности обвиняемых к запрещенной в России «нурджулар».

За такого рода сомнительные наукообразные тексты, достигающие в некоторых уголовных делах десятков томов (63 тома в расследуемом групповом уфимском деле!), экспертам выплачивается немалое денежное вознаграждение. В дальнейшем в случае обвинительного приговора возмещение этих расходов возлагается на осужденных.

В связи с актуальностью проблемы противодействия распространению джихадистской идеологии, в том числе в связи с провозглашением т.н. «исламского государства» на территории Ирака и Сирии, нельзя не затронуть вопроса о том, как оценивается в экспертизах по уголовным делам «проблема халифата». Анализ девяти экспертиз, проведенных в 2015 году по делу известного кыргызстанского имама Рашода Камалова, показывает, что эксперты игнорировали вопрос о наличии пророчества о будущем халифате (теократическом государстве) в канонических исламских источниках, рассматривая как незаконное и экстремистское любое упоминание слова «халифат». В результате изложение Камаловым известного хадиса и его попытка, возможно не вполне удачная, сформировать у аудитории критический подход к провозглашенному джихадистами «государству» необоснованно трактовались как одновременная поддержка идеологии двух запрещенных в Кыргызстане и весьма разных организаций - ИГИЛ и «Хизб ут-Тахрир».

Настоящая вакханалия абсурда нередко отмечается при исследованиях на «экстремизм» религиозной литературы. Запреты религиозных материалов «экстремистского содержания» иногда предшествуют запрету соответствующих религиозных сообществ, а иногда становятся их следствием (в последнем случае эксперт может написать, что книга содержит идеологию запрещенной организации, не вдаваясь в определение специфических черт последней). Мне приходилось встречать такие формулировки как «косвенно призывал» или призывы в «скрытой форме» - настолько «скрытой», что кроме сотрудничавшего со следствием эксперта их никто не мог обнаружить. Рассмотрение соответствующих дел в судах часто происходит без уведомления заинтересованной стороны в лице издателя, автора или переводчика. Еще одна магическая формула – «единый комплекс идеологического воздействия». В десятках книг, изъятых у обвиняемого по уголовному делу в Оренбурге, незаконных призывов нет - признает эксперт, но они составляют «единый комплекс идеологического воздействия», где прочтение умеренных книг «готовит почву для принятия более радикальных идей». Суд соглашается с этой абсурдной логикой, и все книги, обнаруженные у обвиняемого, признаются «экстремистскими», включая сборники хадисов или работы по суфизму. Продолжая эту логику, можно запретить и сами священные для

верующих книги, ибо их прочтение будущими «экстремистами», безусловно, «готовит почву» для последующего принятия радикальных идей.

В 2009 году в перечень экстремистских материалов, размещенный на сайте министерства юстиции Казахстана, были включены аудиозаписи восемнадцати сур Корана, в отношении которых, как выяснилось, вынесено соответствующее судебное решение. Когда о запрете стало известно СМИ, официальные лица поспешили заявить, что речь идет о «технической ошибке», и что запрету подверглись не сами суры, а комментарии к ним. Однако из текста судебного решения видно, что прокуратура инициировала запрет не комментариев, а аудиозаписей чтения именно сур Корана как якобы «пропагандирующих идеологию радикального ваххабизма». Судебное решение вскоре было пересмотрено, суры удалены из списка. Однако в 2013 году в Казахстане вновь распространялся перечень «экстремистских материалов», включающий аудиозаписи «крамольных» сур, что вызвало протесты верующих.

В сентябре 2013 года районный суд г. Новороссийска запретил перевод Корана на русский язык, выполненный Эльмиром Кулиевым. При этом доводы, которые использовались для обоснования запрета, могут быть применены к любому изданию священной для мусульман книги. Решение суда вызвало скандал и вскоре было отменено апелляционной инстанцией. Но и после этого имели место случаи запрета книг, в которых воспроизводились «экстремистские цитаты» из Корана (кажется, эксперты даже не знали о первоисточнике цитат).

В ноябре 2015 года в России вступил в силу специальный закон, запрещающий признавать экстремистскими тексты и цитаты Библии, Корана, Танаха и Ганджура (священных книг четырех религий). Официальная пропаганда попыталась представить закон как важный шаг по защите прав верующих. Однако закон не снял основные проблемы, связанные с неправомерным запретом религиозной литературы, а лишь продемонстрировал дефекты существующего законодательства и правоприменительной практики, в которых отсутствует механизм защиты от необоснованных и абсурдных запретов.

В ноябре 2015 года Шурышкарский районный суд Ямало-Ненецкого автономного округа запретил три аналитические статьи о т.н. «ИГИЛ» лишь на том основании, что они содержат сведения о деятельности этой запрещенной в России структуры. При этом ни одна из статей не содержит признаков экстремизма, в том числе не оправдывает деятельность описываемой структуры.

Сейчас список запрещенных материалов достигает в России 3900 наименований, в Казахстане – 700 и постоянно пополняется. Многие позиции списков не имеют адекватного библиографического и иного описания, позволяющего однозначно идентифицировать запрещенный материал.

Несколько слов о ситуации в Кыргызстане. Законодательство здесь также предполагает ведение списка экстремистских материалов, однако до недавнего времени такой список соответствующим ведомством не составлялся, хотя по некоторым материалам суды выносили решения о признании их экстремистскими. Другой особенностью законодательства Кыргызстана является наличие в уголовном кодексе нормы, согласно которой не только распространение, но и просто хранение экстремистского материала (даже для личного пользования) является уголовным преступлением и наказывается лишением свободы на срок от 3 до 10 лет (ст.299-2 УК КР). Экстремистский характер обнаруженных религиозных материалов обосновывается в каждом уголовном деле путем проведения поверхностных «экспертиз», обычно представляющих собой декларирование субъективного мнения эксперта без какой-либо серьезной аргументации. Данная норма явно противоречит Конституции и международным обязательствам Кыргызстана в области свободы религии и выражения. Она была введена в Уголовный Кодекс в 2009 году в период правления авторитарного президента Курманбека Бакиева - как реакция на волнения, спровоцированные запретом на проведение мусульманского религиозного праздника в Ноокатском районе. Сменившие Бакиева в 2010 году новые лидеры, декларирующие приверженность демократическим ценностям, оставили эту норму без изменений. В настоящее время она

широко применяется в отношении верующих на юге страны как для уголовного преследования, так и в качестве повода для вымогательства у них денег. Некоторые из инкриминируемых материалов действительно обнаруживаются при обысках, но практика подброса «экстремистских материалов» также широко распространена. Неизвестно, будет ли данная норма изменена в обсуждаемой новой версии Уголовного кодекса (в опубликованном проекте предлагается заменить «хранение» на «хранение с целью распространения»).

В связи с наличием проблем, связанных с применением антиэкстремистского законодательства, в некоторых из наших стран дискутируются вопросы, связанные с порядком проведения экспертиз. Однако фундаментальная проблема в другом - в неоднозначности самого термина «экстремизм», серьезных различиях в понимании того, что является допустимым и недопустимым в демократическом обществе. Эти проблемы не могут быть решены лишь путем реорганизации экспертных процедур. Требуется серьезное реформирование самого антиэкстремистского законодательства, чтобы оно соответствовало международным обязательствам наших стран. Было бы важно продолжить обсуждение существующих проблем с учетом опыта демократических государств. К сожалению, есть стремление использовать законы о борьбе с экстремизмом и терроризмом как дубинку для подавления религиозного и иного инакомыслия.

Завершая написание статьи, хочу отметить, что и в Центральной Азии, и в Крыму существует серьезная проблема с проведением объективных религиозоведческих, лингвистических, психологических, политологических экспертиз по делам об экстремизме и запрете информационных материалов; не менее важно - научное рецензирование экспертиз, проведенных по инициативе правоохранительных органов. Проблема в том, что в наших странах трудно найти эксперта, который не испытывал бы опасений перед давлением спецслужб. И одно из предложений, если меня поддержат, это обсудить возможность привлечения ученых Украины для подготовки такого рода экспертных текстов. Также было бы важно проведение конференции или серии мероприятий по затронутым темам. Возможно, Украина сегодня является одной из немногих площадок на постсоветском пространстве, где эти вопросы можно обсуждать свободно.

Михаил ЧЕРЕНКОВ

1.7. ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ПРОТЕСТАНТЫ ЕВРАЗИИ: АКТИВНАЯ МИССИЯ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОЙ СВОБОДЫ

На фоне больших событий и процессов в религиозной жизни Евразии показательной представляется ситуация вокруг религиозных меньшинств, едва ли не самым уязвимым из которых остается протестантизм. Как правило, евангельские протестанты раньше других чувствуют на себя ограничительную политику государства, поэтому происходящее с ними может быть иллюстрацией более масштабного тренда на сужение свободы, который угрожает всему гражданскому обществу России и региону в целом.

Протестантизм в Евразии (в постсоветском пространстве, организованном вокруг России) представлен главным образом позднепротестантскими конфессиями – баптистами и пятидесятниками, которые с первых дней своей истории жили и выживали в условиях ограниченной свободы. Но характер ограничений менялся – от религиозно мотивированной дискриминации к атеистической борьбе с религией, от тоталитарного подавления всех к избирательному подходу, различению «наших» и «не наших», «исторических и неисторических». В последней классификации протестанты, как правило, оказывались «неисторическими» и «не нашими» – как бы долго они здесь не жили и как бы много не служили окружающему обществу.

Евангельские протестанты воспринимаются как часть западного христианства и соответствующей культуры, и уже поэтому попадают в разряд иностранных агентов. Но главной их особенностью, вызывающей раздражение у блюстителей местных традиций,